
К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА

От редакции: В начале краткого редакционного введения в рубрику приведем биографию Антона Павловича из знаменитого словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона — «современника» Чехова:

«Чехов Антон Павлович, 1860—1904, знам. писатель, беллетрист. По образованию врач; в 1879, под псевд. «Чехонте», выступил с мелкими рассказами, полными юмора; изд. сборн.: «В сумерках», «Хмурые люди». Более крупные по размерам и по худ. достоинствам произв.: «Степь», «Палата № 6», «Дуэль», «Мужики», «В овраге», «Человек в футляре», «Моя жизнь», «Скучная история». Замеч. драмы: «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад». В своих многочисленных рассказах Ч. дал ряд неподражаемых по силе худ. изобразительности и глубине психологического анализа, выпуклых и ярких картинок из быта ср. классов: купцов, чиновников, актеров, врачей, учителей и пр. В рассказе «Мужики» и «В овраге» изображена беспросветная в своей физической и моральной грязи и умственном убожестве жизнь деревни. С редкой объективностью в драмах Ч. нарисована русск. интеллигенция в период безвременья восьмидесятых годов, погибающая от неврастения, безволия, сознания своего бессилия в борьбе с засасывающей пошлой средой.»

Как видим, уже при жизни, несмотря на ее краткость, всего сорок четыре года, правда, двадцать пять из них — творческие, Чехов имел всероссийскую известность. Более того, в эти же годы последней четверти XIX века — начала века двадцатого, исключительно богатыми дарованиями в русской литературе, Антон Павлович уверенно входит в первую десятку-двадцатку ведущих авторов, «властителей дум» тогдашнего общества, все более и более разочаровывающегося в реалиях самодержавной России. Но будем и честны: Чехов, как никто другой из русских писателей той поры, был классическим описателем мышления сугубой, в том числе творческой интеллигенции. А последняя, начиная с реформ Александра Второго, оказалась в целом в стране как бы не у дел: время добродушия дворянских литераторов безвозвратно ушло вместе с «вишневыми садами», а в бурный поток капитализации России и нарастающей классовой борьбы от прежнего уюта не хотелось...

Отсюда и переход либеральной интеллигенции к брнзжанию всяческого толка, подогреваемому постоянно и по возрастающей революционерами и нигилистами (мы делаем различие между этими понятиями) всех оттенков и направлений.

...Именно такой душевный, психологический раздрай и воспоследующие отсюда поступки позволили В. И. Ленину именовать интеллигенцию той поры «гнилой».

В то же время интеллигенция очень тонко чувствует любые литературные инвективы в свой адрес... Этого чутья у нее не отнимешь.

Вот по этой-то причине современники, особенно из образованных людей, Чехова хвалили, но при этом «держали фигу в кармане». А в советское время наследием Антона Павловича железобетонно овладели пролеткультовцы и их последователи вплоть до новейших времени: критик загнивающего общества, повесть «Степь» неудачна (а это лучшее его произведение^{*}) и пр. и пр. Словом — узкоглядно и в переложении агитпропа. А сейчас? — Смотри сказанное чуть выше...

^{*} См. анализ в книге: Яшин А. А. Художественная эвристика (Роль чувственного познания в творчестве): Петровская академия наук и искусств.— Тула: Изд-во «Тульский полиграфист», 2001.— 411 с.

Поэтому-то Чехов всегда, для каждого поколения требует внимательного, неза-
шоренного и индивидуального прочтения.

Еще заметим, что не очень-то обширно и чеховское литературоведение; наиболее
обстоятельное исследование принадлежит Г. А. Бердникову.* Причина, по всей ви-
димости, та же самая.

Во всяком случае, в широком читательском восприятии Чехов во многом был и
остается «Чехонте»-юмористом. А в нашей современной жизни и без того юмора
хватает. Преимущественно черного, с лейтмотивом «Палаты № 6». Может, поэтому и
наша юбилейная рубрика подобралась столь скромной.

* Бердников Г. А. Чехов. Идеиные и творческие искажения.— М.—Л.: ГИХЛ, 1961.— 630 с.

Тамара Белицкая*
(г. Тула)

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МИР ЧЕХОВА

«Чехов первый, истинный европеец в русской литературе, занимавшийся исключительно художественным творчеством. Оно наполнено достоинства и покоя, оно нормально в самом благородном значении этого слова, как может быть нормально явление живой природы»

Сергей Довлатов

Антон Павлович Чехов не был профессиональным музыкантом. И даже, в отличие от своих братьев Николая и Михаила, не играл ни на одном инструменте. Но означает ли это, что он был немусыкален от рождения, не любил музыку и не впускал ее в свой закрытый для всех душевный мир?

Попробуем в этом разобраться с помощью фактов из его жизни и, главным образом, его творчества.

Первые музыкальные впечатления Антон Павлович получил в семье, где все очень любили пение. Пели родители, пели их друзья и часто, особенно по праздникам, из их дома по улицам родного города разливалась широкая песня, да не в унисон, а со множеством подголосков и, придуманных самими исполнителями, «выкрутасов». Когда пение постепенно выдыхалось, за фортепиано садился старший брат Николай, довольно хороший музыкант-любитель, и начинал играть Шопена, который был наиболее созвучен его тонкой, художественной натуре. Иногда к нему присоединялся брат Михаил, и они играли в 4 руки. Или брали в руки гитару и, насытившись грустной, элегической мелодией, начинали выделывать на ней такие колленца, что, наверное, им позавидовал бы и профессионал.

А что же Антон Павлович? Он, видимо, тоже умел немного играть на фортепиано, но хуже братьев и потому стеснялся и всегда отказывался, когда его просили что-нибудь сыграть. Но зато он умел хорошо слушать и слышать музыку, дар, согласитесь, достающийся немногим счастливым. Затаив дыхание, он внимал игре братьев, а позже настоящих музыкантов, со многими из которых был дружен. Какие образы, какие картины рисовались ему в эти мгновенья? Этого мы не знаем, но известно, что в момент звучания музыки, он часто садился за письменный стол и создавал свои сочинения. Об этом свидетельствуют многие, в том числе и Михаил:

«Антон любил писать под звуки фортепиано. Он не мог жить без них и настойчиво требовал, чтобы я часами играл для него».

А вот свидетельство одного из друзей дома:

* Наш постоянный автор.

«Чехов любил слушать прочувствованную игру брата. Согнувшись над письменным столом, при свете лампы, он что-то пишет. Сверху, со второго этажа, доносятся нежные, меланхолические звуки шопеновского ноктюрна».

Даже эти два свидетельства помогают нам ощутить привязанность Чехова к музыке. Она была для него глубокой внутренней потребностью, являлась источником вдохновения и творческой радости. И разве удивительно, что среди его друзей, часто наполнявших его дома и в Мелихово, и в Ялте, были музыканты? Вот строки из его письма одному знакомому, полные добродушного юмора: «У нас полон дом консерваторов, музицирующих и козлогласующих!» Можно только себе представить, как интересно, остроумно и весело проходили подобные вечера! Вот, что писала одна из постоянных участниц таких вечеров Голубева: «Чехов сидел в уголке, подперев голову руками, и, как будто, уйдя совершенно в другой мир. Владиславьев пел чудесно. Когда он кончил, только через минуту послышался вздох и шорох в комнате. Чехов встал, как-то выпрямился весь, глаза его сияли, как звезды, казалось, что искры летели из них».

Но было бы опрометчиво считать, что музыка только веселила Чехова, навевала хорошее настроение. Восприятие им музыки было значительно глубже и тоньше.

Известно, например, как он слушал «Лунную» сонату Бетховена. Глубина и драматичность этой музыки всегда волновали его, но, не желая проявлять свои чувства на людях, он в эти мгновенья всегда уединялся, сидел в одиночестве на крыльце дома или гулял по саду, по которому из раскрытого окна разливались звуки музыки. А когда он, наконец, возвращался к людям, «лицо его было серьезно и прекрасно» (Т. Л. Щепкина-Куперник).

Иногда он сам просил кого-нибудь исполнить любимую им музыку. И тогда звучали романсы Глинки «Не искушай меня без нужды», «Сомнение» или «Серенада» Брага, которая позже нашла отражение в его «Черном монахе».

Несомненно, что так сильно, всем своим существом, мог воспринимать музыку только тот человек, для которого она была чем-то важным, необходимым и дорогим.

Известно, что одним из любимых композиторов Антона Павловича был Петр Ильич Чайковский, которого он боготворил и как человека. Ярким подтверждением этой любви является то, что он вводит музыку Чайковского в свои произведения. Так, его рассказ «После театра» целиком навеян сценой письма из оперы «Евгений Онегин», в котором его героиня, 16-летняя Надя очарована и музыкой, и чувствами, и поступком Татьяны. Только автор, сам плененный историей Татьяны, мог так искренно передать ее в своем рассказе. А эпиграфом к 3-му действию своей пьесы «Леший», он взял арию Ленского (сцена дуэли) из той же оперы, которая исполнялась за кулисами на рояле и вводила зрителей в напряженную атмосферу самоубийства Войницкого.

С Чайковским их роднила не только музыка, но и мироощущение, восприятие искусства, как средства передачи мыслей и чувств простых людей. Как-то ими овладела идея о совместной работе. Чайковский попросил: «Мне нужно, чтобы не было царей, цариц, народных бунтов, маршей и всех прочих атрибутов *«Grand opera»*. На что Чехов со смехом признался, что просто не умеет их изображать. И действительно, разве мы найдем в его творчестве воспевание жизни сильных мира сего? Их роднили величайшая правдивость и простота, особая сердечность в выражении чувств. Вот слова Чехова: «Надо писать то, что чувствуешь, правдиво, искренне. Живые образы создают мысль, а не наоборот».

А вот, что писал Чайковский: «Я могу писать музыку на сюжет немало не эффектный, лишь бы действующие лица внушали мне живое сочувствие, лишь бы я любил их, жалел, как любят и жалеют живых людей».

Их сближал и ярко выраженный гуманизм, сочувствие человеческому страда-

нию. Во многих рассказах Чехова мы ощущаем боль писателя за дисгармоничность жизни, за серость, убожество и духовное оскудение своих героев. А разве не о том же музыка Чайковского? В его трех последних симфониях широко разрабатывается тема рока, фатума нависшего над человеком и мешающего ему полноценно жить. Как художники-реалисты Чехов и Чайковский почти одновременно, не сговариваясь, стали разрабатывать тему смерти. Это и «Палата № 6», и один из самых мрачных его рассказов «Гусев». А у Чайковского это трагедия, скорбь и победа злых сил в 6-ой симфонии.

Их роднили и многие черты характера — скромность, деликатность, уважение к достоинству других людей.

Эту их общую черту тонко подметил Сергей Васильевич Рахманинов:

«Из всех людей..., с которыми мне пришлось встречаться, Чайковский был самым обаятельным. Его душевная тонкость неповторима. Он был скромен, как все действительно великие люди и прост, как очень немногие. Из всех, кого я знал, только Чехов походил на него».

Как-то, готовя к выпуску новый сборник своих рассказов, Чехов захотел посвятить его Чайковскому, но не решался и обратился к тому за одобрением: «Мне очень хочется получить от вас положительный ответ, т. к. это посвящение, во-первых, доставит мне большое удовольствие, и, во-вторых, хотя бы немного удовлетворит тому глубокому чувству уважения, которое заставляет меня вспоминать о вас ежедневно».

Как же на это обращение прореагировал Чайковский? Конечно, он мог дать письменный ответ, но этого ему показалось недостаточно. И на следующий же день он пришел к нему сам, чтобы выразить благодарность за посвящение. И они долго беседовали о музыке, литературе, удивляясь и радуясь, как они близки и душевно открыты.

Можно было бы еще много рассказывать о творческой и духовной близости этих гениальных русских художниках, но рамки данной статьи не позволяют это сделать.

Тонкая, художественная натура Чехова проявилась и в его отношении к природе. Он любил, деревья, цветы и, живя в Мелихове, сам сажал и ухаживал за ними. Часто гостившей у него Т. Л. Щепкиной-Куперник, он с восхищением говорил: «Вот эти сосны особенно хороши на закате, когда стволы совсем красные... А этот дуб надо смотреть в сумерки — он таинственный тогда такой...» «С какой гордостью — вспоминает она — он показывал мне каждый розовый куст, каждый тюльпан, расцветающий весной, и говорил, что для него нет больше удовольствия, чем следить «как он лезет из земли, как старается» и потом пышно расцветает!».

Надо ли напоминать читателю, что природа, а точнее, чувства ею навеянные — одна из главных тем музыки? Может быть, именно поэтому Чехов больше любил элегическую, пасторальную музыку, напоминавшую ему скромную красоту русской природы, первую весеннюю капель и тихий шелест берез? И не об этом ли его «Степь», в которой мы словно дышим ароматом степных трав, любимся белыми облачками, проплывающими по бескрайнему небу?

Думаю, совсем не случайно, что его друзья и любимые женщины тоже были одаренными художественными натурами, тонко чувствующими и музыкальными. В 90-ые годы в Мелихово часто приезжала Лидия Стахиевна Мизинова, или Лика, как все ее называли. Девушка очень красивая, веселая, остроумная. Она хорошо играла на фортепиано и пела. И Чехов мог часами ее слушать, сидя где-нибудь в сторонке и думая о чем-то своем. Одно время они были очень увлечены друг другом, о чем свидетельствует их переписка, наполненная остроумными, ироничными словами. Но сквозь них мы ясно слышим ноты тоски писателя по уехавшей певунье и нетерпеливое ожидание свидания. И один Бог знает, почему их увлечение не переросло во что-

то более глубокое и значительное?!

Очень музыкальна была и его жена Ольга Леонардовна Книппер — актриса МХАТа. У нее был хороший голос, которым она мастерски передавала разные оттенки чувств, выраженных в музыке. Антон Павлович всегда с восторгом слушал ее пение, восхищаясь ее музыкальным и артистическим талантами, и очень жалел, что, находясь в Ялте, не мог посмотреть ее в спектаклях. В одном из писем Ольга Леонардовна писала: «Я теперь все больше пою... Приедешь, я тебе буду петь романсы Глинки, Чайковского».

Для многих людей Ольга Леонардовна была воплощенным идеалом пленительной «чеховской женщины».

Конечно, все эти люди и факты биографии писателя помогают нам понять, сколь музыкальна была душа Чехова, с каким наслаждением он черпал в ней вдохновение для своих сочинений. Но, пожалуй, больше об этом говорит само его творчество. Музыка вносит мощную лирическую струю и связывает многими нитями жизнь его героев с миром гармонии, поэзии, красоты. Произведения Чехова так внутренне гармоничны и симфоничны по своему развитию, что производят впечатление застывшей симфонии или небольшой музыкальной миниатюры. Эту особенность творчества Чехова подметил французский писатель Андре Моруа: «Любая пьеса Чехова подобна музыкальному произведению. Создается впечатление, что в свой театр он пытался перенести ощущение нежности, воздушной легкости, меланхолической и хрупкой красоты, присущие музыкальным шедеврам».

Этими замечательными словами и хочется закончить рассказ о музыке в жизни и творчестве великого русского писателя Антона Павловича Чехова.

Макар Николаев
(г. Мичуринск)

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВОЕННОГО ВРАЧА НЕ ТОЛЬКО О ЧЕХОВЕ

*Чехов относился к России как врач, а
на больного не кричат*

Алексей Ремезов

Спроси любого:

— Самый, самый — наш врач-писатель или писатель-врач?

подавляющее большинство ответит:

— Чехов.

Да, Антон Павлович Чехов — наш самый, самый из самых знаменитых врачей-писателей или писателей-врачей. Затем назовут Вересаева, его «Записки врача», Булгакова с «Записками юного врача» и «Собачьим сердцем». Подумав, могут назвать Даля, присутствующего при последнем выдохе Пушкина, создателя «Толкового словаря живого великорусского языка». Наиболее искушенные назовут, а может, и не назовут Радищева Александра Николаевича. Того самого, кто написал «Путешествие из Петербурга в Москву», за что был сослан в Илимский острог, где лечил местное население и занимался оспопрививанием.

Из иностранных вспомнят Франсуа Рабле и Шиллера, могут припомнить создателя Шерлока Холмса Артура Конан Дойла и польского писателя-фантаста Станислава Лема.

Наши современники? Конечно, Василий Павлович Аксенов — это бесспорно. Кто еще? Писатели-юмористы, в своем подавляющем большинстве онанисты от литературы, зашибающие «бабло» эстрадной пошлятиной на телевидении? Какие из них вышли бы врачи, наверное, понятно и без слов.

Из чеховских произведений о медицине большинство назовут «Палата № 6», «Хирургия» и... Давай, давай, вспоминай, читатель...

Итак, Чехов, наш Чехов, для каждого — свой Чехов.

Как и о всяком великом человеке, (о его жизни, о его творчестве, о его «грязном белье», даже о его думах и мечтах), о Чехове написаны тома исследований и комментариев. В большинстве своем — объективных, порой — предвзятых, иногда — злобных с явно пахнущими нечистотами заказа.

Сейчас, через 150 лет после рождения писателя-врача или врача-писателя напомним, что Чехов родился 29 января — естественно, старого стиля, не существовал еще в девятнадцатом веке новый стиль календаря — 1860 года в Таганроге — что-то сенсационное вряд ли возможно написать. Поэтому, поэтому мой Чехов — Чехов глазами военного врача Воздушно-десантных войск последней четверти двадцатого и начала двадцать первого веков.

На первый взгляд кажется, что профессия врача и профессия писателя очень и очень далеки друг от друга. На первый взгляд. Но между ними существует глубокая

связь. И писатель, и врач исследуют человека. Одни исследуют душу, другие — тело. Одни, условно говоря,— идеалисты, другие — материалисты. И хотя Чехов, как он сам неоднократно подчеркивал, был сугубо материалистом, в своих произведениях описание внутреннего мира человека, его переживаний, его мук, в конце концов, его души все-таки занимают не последнее место, порой являясь основной линией сюжета. А картина, дополненная знаниями медицины во всех ее обнаженных и натуралистических подробностях, делают творения Чехова просто изумительно гениальными.

Профессионально писать и учиться медицине Чехов начал почти одновременно: первые его фельетоны появились в конце семидесятых годов позапрошлого века, а медицинский факультет Московского университета он закончил в 1884 году. Учась в университете, Антон Павлович выпустил сборник рассказов «Сказки Мельпомены», печатался на страницах «Стрекозы», «Зрителя», «Осколков», «Будильника», других изданиях. В этой «малой» прессе им было напечатано столько анекдотов, фельетонов, очерков, репортажей, обзоров и рассказов, что все они не смогли уместиться в его первых двух томах собрания сочинений. Литература литературой, но студент Чехов, будучи на четвертом курсе, пытался, но, к сожалению, так и не осуществил научный труд «История полового авторитета», мысли о которой появились под влиянием эволюционной теории Дарвина, его работы о половом отборе. Еще одну попытку научного исследования, на этот раз по истории медицины, Чехов предпринял на последнем курсе университета и в первый год врачебной практики. Труд Чехова назывался «Врачебное дело в России», который впервые был опубликован в 16-м томе полного собрания сочинений, выпущенное в 1979 году.

Учителя?

Какие имена: Сергей Петрович Боткин, Григорий Антонович Захарьин...

«...В русской медицине,— писал Чехов,— Боткин то же самое, что Тургенев в литературе... Захарьина я уподобляю Толстому — по таланту...».

Оба великих ученых и врача, каждый по-своему, сказали свое слово в медицине. Но Боткин жил в Петербурге, и Чехов знал его только по монографиям и выступлениям в печати, а Захарьин оказывал влияние на Чехова непосредственно с кафедры факультетской терапевтической клиники.

Вот, он — пример, достойный подражания, нынешним студентам, которым не хватает «одного дня», «одного часа» до экзаменов. «Штамп», «штамп» — сам знаю и «штампую» специально. Да не для экзаменов-то учишься, бедолага, не для экзаменов. А если купил — поправка: купили родители, родственники, «спонсоры» — право учиться? Учиться? Посещать медицинский факультет купили право, то и выводы из этого положения вещей в современной отечественной медицине соответствующие.

Отрывок из моей книги «Записки батальонного врача»:

«...Август 1966, Симферополь, Крымский государственный медицинский институт; вступительные экзамены; плюс 40 градусов по Цельсию в тени. А кто вас, спрашивается, заставляет лезть в эту тень?»

Конкурс на лечебный факультет среди школьников был ужасающий даже по тем временам, меркам и размерам — восемнадцать с половиной человек (!!!) на одно место. У медалистов, у стажников, у «дембелей», у окончивших медучилище — конкурс намного и намного меньше. У нас, школьников, проходной бал — десять из десяти: «пять» — физика, «пять» — химия и «зачет» по сочинению...

...На лечебный факультет (а кроме него в институте в те времена был еще и педиатрический; детских врачей на этом факультете готовят, а не педагогов) приняли более трехсот человек. В основном лиц мужского пола, преимущественно христианской культурной традиции, как правило, славянской внешности и, естественно, соответствующих анкетных данных. Но имелись и исключения. А как же без них? На наш первый курс приняли всего одиннадцать (!!!) девочек. Девять — дочери,

внучки, племянницы Номенклатуры. Плюс одна, ростом около 140 сантиметров из какой-то островной Папуасии Тихого океана, с мужем. И одиннадцатая... — но о ней — в другой раз...»

Попутно отмечу, что и Чехов учился на врача за деньги: за деньги, заплаченные за его обучение Таганрогской городской управой; за деньги, которые молодой врач и молодой писатель вскоре с лихвой вернул в казну Таганрогской управы, подарив городу еще и внушительную библиотеку. Про библиотеку — это я так, к слову о нынешнем вымершем племени меценатов.

Будучи летом девятого года «проездом» в Департаменте здравоохранения одной из наших областей, поразился внушительной очереди у дверей отдела кадров: молодые девчонки, одни девчонки, ни одного парня (может попал в такое время, и парней, как «занесенных в «Красную книгу», пропустили без очереди?) записывались на целевое поступление в Тульский медицинский институт. Очередь очередью, но со всех брали подпитки, что они после окончания оногo института вернуться на пять лет по месту, откуда их, якобы, направили. Ага, щас, жди, разбежались и вприпрыжку побежали — врачами-то после окончания института работают далеко не все. Престиж профессии упал, что ли?..

А Антон Павлович? Забыли про него?

Весной 1884 года после выпускных экзаменов Чехов получает Свидетельство о его утверждении в звании уездного врача, подписанное выдающимся русским хирургом Николаем Васильевичем Склифосовским. Что положено после учебы? Правильно — отпуск. И Чехов поехал отдыхать к брату Ивану в Воскресенск (ныне более известный как город Истра), в двух верстах от которого находилась Чикинская земская больница. Что из этого следует? То и следует, что вместо отпуска доктор Чехов устраивается в эту земскую больницу на временную работу. Если в этой скромной деревенской больнице Чехов, естественно, не может приобрести клинический опыт, то он проходит здесь главную врачебную школу — школу сострадательного отношения к больному и бескорыстного служения общественному благу. И этой школе он останется верен всю свою жизнь.

Кроме Чикинской больницы Чехов работает в Звенигородской, подменяет, уехавшего в отпуск: принимает больных в амбулатории — до 40 человек в день, — ездит на вызовы, участвует в судебно-медицинских вскрытиях трупов.

Затем частная практика в Москве, так как пробиться в столичные клинические больницы очень сложно. Да и первые больные были людьми далеко не состоятельными, а зачастую, зная его доброту и безотказность, к нему за медицинской помощью обращались нищенствующие журналисты и литераторы.

Об ответственности, с какой Чехов относился к своим врачебным обязанностям, характеризует отрывок из письма издателю «Нового времени» А. С. Суворину, предложившему сотрудничать в газете: «...Я врач и занимаюсь медициной... Не могу ругаться за то, что завтра меня не оторвут на целый день от стола... Тут риск не написать к сроку и опоздать постоянный...».

Но обласканный и одобренный одним из старейших русских писателей Д. В. Григоровичем, Чехов все больше и дольше будет уделять времени и душевных сил своему литературному таланту, поняв, что это является его истинным призванием.

С медициной он поступит, как в свое время он поступил с литературой, выделив для врачебной практики несколько часов в день.

Чехов не сменил одну профессию на другую, он до последних дней своей жизни сохранил тесную связь с врачебной своей профессией. Пик медицинской деятельности Антон Павловича приходится на мелиховский период — девяностые годы позапрошлого столетия — его жизни, и этот период был одним из наиболее значимых и плодотворных в его литературной биографии.

В Мелихове он получает как врач и больных, и больницу, а как литератор — и жизнь среди народа, и возможность участвовать в общественной и политической жизни. По его инициативе, инициативе земского гласного, проводится шоссейная дорога от станции Лопастня, ныне город Чехов, до Мелихова; на свои деньги Чехов строит школы в окрестных деревнях. И с первых дней жизни в своей, недавно приобретенной усадьбе, развивает бурную медицинскую практику. Его усадьба превращается в амбулаторию, куда приходят не только из Мелихова, но и из окрестных деревень; он часто выезжает в любое время суток за много верст к тяжелобольным; лечит бесплатно, выступая и в роли хирурга, и в роли терапевта, и в роли детского врача, мало того — покупает на свои деньги лекарства для больных и выдает их опять же бесплатно.

Отрывок из моей книги «Размышления батальонного врача»:

«...Луконькин надолго задумывается. Я терпеливо ожидаю, а гвардии майор медицинской службы запаса неожиданно выдает:

— Ты знаешь, я на гражданке после дембеля не смог работать врачом. Пытался. И не раз. Но не смог. Невыносимо смотреть в глаза старикам, когда знаешь, что лекарства, какие нужны, им не по карману. А дешевых в аптеках нет. И льготные лекарства постоянно в отсутствии. Впаривать пищевые добавки, эту туфту, даже и не пытался. Хотя заманчивых предложений от всяческих фирм и фирмочек было предостаточно. Но не могу, понимаешь, просто не могу...».

В 1892 году — год приобретения Чеховым мелиховской усадьбы — на Центральную Россию с юга распространилась страшная эпидемия холеры. Антон Павлович принимает самое непосредственное участие в борьбе с холерой. Без какого-то вознаграждения, без какого-то содержания, принимает участие добровольно. И отказался он от материального содержания лишь потому, что расценивал свою врачебную работу как работу общественную, как маленький «кусочек политической и общественной жизни».

Вместе с другими земскими врачами Чехов победил холеру: в эпидемию 1892 года в Серпуховском уезде было зарегистрировано всего 14 случаев заболевания с четырьмя смертельными исходами. Победил он холеру и в следующем году. И несмотря на неимоверные затраты сил, на отсутствие помощников, на разбитые дороги, на плохих лошадей, нездоровье и безденежье, Чехов напишет: «Ни одно лето не проводил так хорошо, как это...».

Антон Павлович не отказывался ни от одного своего больного: будь то холерный больной, будь то больной дифтерией или больной тифом — не счесть сколько раз он рисковал своей жизнью, совершенно не думая о себе. Но он не только рисковал своей жизнью, но и сокращал ее, потому что был тяжелобольным человеком, неся неимоверную нагрузку, человеком, которому самому требовались покой и лечение.

В «Записках врача» В. В. Вересаев приводит страшные статистические данные: от заразных болезней умирало около шестидесяти процентов земских врачей; в 1892 году половина всех умерших земских врачей погибла от сыпного тифа. Как Чехов сумел выжить в эти два холерных года, наверное, только ему одному известно, может еще и всевышнему.

Вот тебе и самая гуманная профессия, вот тебе и самая денежная, самая престижная. Кстати, об оплате за труд врача. Вылечил больного с наименьшими затратами самого больного на лекарства и процедуры — получи соответствующее вознаграждение; не вылечил, потратил больной на дорогостоящие лекарства и не менее дешевые обследования и процедуры все свои сбережения — и все «коту под хвост», — какое тогда может быть такому лекарю вознаграждение?

Отрывок из моей книги «Записки батальонного врача»:

«...Тесницкие лагеря. Полигон. Лето. Одна тысяча девятьсот семьдесят третий

год. Только год моего офицерского и врачебного стажа. Теплые июльские сумерки около медицинского пункта вдруг нарушаются — откуда? — цыганским гвалтом.

Выхожу. Стоит «копейка», рядом с ней, как саранча, вылезшие цыгане. Восемь человек. Из «копейки» восемь мужиков, более чем средней упитанности. Девятый, пожилой цыган, полулежит, закатив глаза, на переднем пассажирском сидении.

Увидев меня в белом халате, гвалт разом оборвался, и ко мне подходит один из цыган. Объясняет ситуацию. Едут они, дескать, из гостей домой, в Тулу. И отцу стало плохо. Умирает, мол, он.

В это время санинструктор Леша Филатов, старший сержант, под метр девяносто, с дневальным, уложив на носилки больного, направляются в медпункт. Табор — за ними.

Естественно, не пускаю их. Ставлю диагноз. Оказываю первую помощь. Элементы реанимации. Другие профессиональные процедуры, необходимые при острой сердечной недостаточности. На все про все — несколько минут.

Цыганский вожачок (а может и барон?) жив-здоров. Лопочет что-то по-своему. Отходит от болевого шока. Постепенно «врубается» в обстановку. Делает телодвижения, пытаясь встать с носилок. Успокаиваю его. Предлагаю отвезти на своей «санитарке» в больницу.

— Нет! Нет! Все хорошо! Гуд! Камарад, спасибо! Дальше — мы сами.

Цыгане бережно поднимают его с носилок, усаживают в «копейку» на прежнее место. Сами, семь человек, внедряются, точнее не скажешь, на заднее сидение. Водитель подходит к нам, доставая огромный кошелек из крокодиловой кожи.

Я скромно отказываюсь от протянутых денег. Простите. Что вы? Клятва Гиппократа!.. И вообще, у нас медицина бесплатная... Лучшая в мире...

— Нет, доктор! Ты возьмишь деньги. Если не возьмишь — значит, плохо лечил нашего отца. Значит, не вылечил. За свою работу каждый должен получать по заслугам.

Цыган, цыган, а развел философию... Слушай только.

Протягивает мне сторублевую купюру — мое денежное лейтенантское довольствие в ту пору равнялось ста двадцати рублям — и Алексею Филатову — пятьдесят рублей.

За добросовестно проделанную работу...».

В декабре 1898 года, когда Чехов в Ялте лечился от туберкулеза, ему пришло письмо от врачей Севастополя с приглашением прибыть на празднование столетия Военно-медицинской академии, причислив писателя к числу выпускников Академии. На самом деле не являясь выпускником Академии, Чехов не обиделся на невольную ошибку и очень сожалел, что не мог принять участие в этом торжестве.

Чехов до последних дней считал себя прежде всего врачом, а потом литератором.

Отрывок из книги Б. М. Шубина «Доктор А. П. Чехов»:

«...Чехов любил свою медицину, дорожил и гордился званием врача. По свидетельству многих его современников, он близко к сердцу принимал сомнения в его врачебных достоинствах:

«...Когда-нибудь убедятся, что я, ей-богу, хороший медик», — заметил он в беседе с братом одного из основателей Московского художественного театра, писателем Василием Ивановичем Немировичем-Данченко. И это при той исключительной скромности, которая отличала Чехова!

«Ты думаешь я плохой доктор? — спрашивает он у В. А. Гиляровского и в свойственной ему манере заканчивает иронически: — Полицейская Москва меня признает за доктора, а не за писателя, значит, я доктор. Во «Всей Москве» (справочном издании того времени. — Б. Ш.) напечатано: «Чехов Антон Павлович. Малая Дмитровка. Дом Пешкова. Практикующийся врач». Так и написано: не писатель, а врач...».

Когда М. Горький предложил Чехову поехать с ним в Китай корреспондентом для освещения боксерского восстания, Антон Павлович ответил, что поедет, если война затянется, но поедет врачом, а не корреспондентом.

Опять привожу отрывок из книги Б. М. Шубина — лучше не скажешь, все равно:

«...Тяжела ответственность врача за судьбу доверившегося ему пациента. За малейшую ошибку или оплошность он казнит себя и умирает с каждым больным, которого не смог поставить на ноги.

Важность миссии врача выделяет эту профессию из всех существующих на земле. Вот какие высокие требования предъявляет А. П. Чехов к человеку, посвятившему себя медицине: «Профессия врача — это подвиг, она требует самоутверждения, чистоты души и чистоты помыслов.

Надо быть ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически».

Это его высказывание удивительным образом перекликается со словами выдающегося врача древности Гиппократ: «Врач-философ равен богу. Да и немного, в самом деле, различия между мудростью и медициной, и все, что ищется для мудрости, все это есть и в медицине, а именно: презрение к деньгам, совесть, скромность, простота в одежде, уважение, суждение, решительность, опрятность, изобилие мыслей, знание всего того, что необходимо для жизни...».

Все так: «чистота помыслов» — у Чехова, «презрение к деньгам» — у Гиппократа. А если — все наоборот?

Отрывок из моей книги «Записки батальонного врача»:

«...Как я не стал «народным целителем».

После увольнения в запас, я стал немного заниматься (для души) частной практикой (громко и, главное, самоуверенно сказано). Обо мне узнали и пригласили в клинику доктора Л. Назначили испытательный срок.

В первый день выделили трех самых тяжелых пациентов, хотя в этой, так называемой, клинике больных называли (обзывали) клиентами. Моя (конечно, не моя, а многих авторов), методика понравилась руководству. Провел сеанс и с самим доктором Л.

— Да, это очень перспективнейшее направление. Ваш метод, — я скромно опустил глаза, — нам подходит. После испытательного, вместо двух — одного месяца, будем оформлять на постоянную работу. По рукам?

— По рукам!

И в продолжение разговора:

— К нам ходит один клиент. Полгода. Болят суставы. Не можем его вылечить.

Не посмотрите его в следующий прием?

— Нет проблем. — И дернуло меня ляпнуть. — Тем более — у него болезнь Рейтера.

Доктор Л. ошарашено уставился на меня. Дескать, откуда. Первый раз слыша о клиенте ту информацию, что он только сказал? Более того, совсем не видя клиента — и сразу диагноз?

— Откуда? И что это — за болезнь?

Вот так — скажешь первое попавшееся, что вертится на языке, и в самое яблочко. Потом сам порой думаешь: откуда? Объясняю ему популярно про эту «экзотическую» болезнь суставов и других органов.

На следующий день ко мне в кабинет входит этот самый клиент... тьфу, ты, входит больной. Персонал «клиники», собравшись в холле, ждет результата. Как же! Не успел прийти, этот бывший военный докторишка, не видя клиента и ставит диагноз. О котором слышать никто не слыхал, ни один наворочено-компьютерный прибор ничего не показал, а он, глянь-ка, что творит.

Тщедушный мужичок протягивает мне распечатку с компьютерно-диагностического аппарата, где около двадцати диагнозов и каждый диагноз гарантирует скорейший летальный исход.

Мельком глянув на эту «филькину грамоту», задаю ему вопрос, совсем не касающийся его суставов.

— Глаза, перед тем, как заболели суставы, зноились?

Больной посмотрел на меня с испугом, как на непонятное, странное явление природы.

— Да, было такое.

Следующим вопросом добиваю его окончательно.

— После глаз, но перед болями в суставах из — простите великодушно за натурализм — конца капало?

Он чуть не убежал из кабинета, в откровенном страхе уставившись на меня.

— Было! — еле слышно произнес он. — Ровно полгода назад. Перед тем, как заболели суставы. И глаза, и этот, член, как его, половой. Но меня никто до Вас об этом не спрашивал.

— Чем лечился? — На «Ты», как принято у славян, называю своих пациентов-больных.

Мужичок подает мне список, якобы, лекарств, которые оказываются на самом деле БАДами (биологически-активными добавками). Очень дорогими, кстати говоря.

— Вот тебе рецепт. Пойдешь в любую аптеку и купишь. Стоит дешево. Со следующего приема начну лечить. Вдобавок свожу к знакомому ревматологу. Бесплатно.

— А куда мне все эти лекарства деть? Какие мне продали здесь? Они же очень дорогие. Я и так на них за полгода весь поистратился.

Не люблю, когда дурят больных, пусть даже клиентов. Особенно, когда обдирают до нитки. Особенно, бедных.

— Выбрось в урну или засунь их доктору, который их тебе прописал... ну, ты сам знаешь куда...

Через полчаса я был уволен, не пройдя испытательного срока. Очень большого срока — в одну неделю...».

Сегодня в нашей стране, к великому, даже величайшему сожалению, и врачи, и больные продают и покупают здоровье. И Чехов на протяжении всего своего творческого пути будет развивать образ врача-стяжателя, который считает купюры и которого он заклеил ставшем нарицательным именем Ионыч.

Врач-предприниматель, врач, торгующий фирменными лекарствами и получающий процент от этой фирмы за удачные сделки, в том числе и сделки со своей совестью, — это разве не противоестественно? Хотя, какая может быть у таких медиков совесть?

С другой стороны, страсть к стяжательству, страсть к наживе — это порок не сколько личности, сколько общества, построенного на принципе купли-продажи. Что и наблюдаем.

Чехов верил в медицину и считал, как и его учителя С. П. Боткин, Г. А. Захарьин, Н. И. Пирогов, что все другие ненаучные способы лечения болезней являются шарлатанством. Спиритизм, гомеопатия, магнетизм, знахарство — для Чехова понятия однозначные: все это — шарлатанство.

А сегодня?

Открой любую газету, любой журнал — сплошные знахари, колдуны, маги, лечащие всякие и всевозможные болезни, спасающие от любых смертельных недугов. Включи телевизор — на каждой программе с утра до вечера, не только реклама лекарств и прочей белиберды, но и советы: пей мочу, ешь кашку, стой на голове. Прибавьте к этому некоторых журналистов и писателей, безответственно распространяющих на страницах газет и журналов, на экранах телевизоров легенды и вымыслы, преподносящиеся в виде очередной сенсации, о непроверенных и просто темных методах лечения серьезных болезней.

«...Лечить мужиков, не будучи врачом, значит обманывать их», — говорит Чехов устами своего героя.

Но и малограмотные врачи, какими бы они ни были добрыми людьми, в произведениях Чехова выглядят жалкими, беспомощными, опустившимися. Чехов очень тяжело переживал малограмотность и невежество многих своих коллег и, обращаясь к М. Горькому, он писал: «Доктор, если он имеет практику, перестает следить за наукой, ничего, кроме «Новостей терапии», не читает, и в 40 лет серьезно убежден, что все болезни простудного происхождения...».

Чехов ни перед чем так не преклонялся, как перед достижениями научной мысли, за которыми он постоянно следил. Он часто выступал против крикливой рекламы и профанации науки и в то же время был поборником санитарного просвещения населения, призывал своих коллег-врачей не игнорировать и не гнушаться этого раздела работы. И сам Чехов выступал в печати с медицинскими статьями.

Про медицину Чехов шутливо говорил, что она — его законная жена, а литература — любовница. Но любовница ни в коей мере не наносила ущерба законному союзу, который обогащал любовь новым содержанием и знаниями.

Чехов неоднократно подчеркивал, что писатель, знающий естественные науки, имеет преимущество перед своими собратьями по перу, не получившими такой подготовки.

Отрывок из очерка Максима Горького «А. П. Чехов»:

«...О своих литературных работах он говорил мало, неохотно; хочется сказать — целомудренно и с тою же, пожалуй, осторожностью, с какой говорил о Льве Толстом. Лишь изредка, в час веселый, усмехаясь, расскажет тему, всегда — юмористическую...

О своих пьесах он говорил как о «веселых» и, кажется, был искренне уверен, что пишет именно «веселые пьесы»...

Но вообще к литературе он относился со вниманием очень зорким, особенно же трогательно — к «начинающим писателям». Он с изумительным терпением читал обильные рукописи...

— Нам нужно больше писателей,— говорил он.— Литература в нашем быту все еще новинка и «для избранных». В Норвегии на каждые двести двадцать шесть человек населения — один писатель, а у нас — один на миллион...»

И еще из очерка Максима Горького:

«Он был врач, а болезнь врача всегда тяжелее болезни его пациентов; пациенты только чувствуют, а врач еще и знает кое-что о том, как разрушается его организм. Это один из тех случаев, когда знание можно считать приближающим смерть...

...О Чехове можно написать много, но необходимо писать о нем очень мелко и четко, чего я не умею...

Хорошо вспомнить о таком человеке, тотчас в жизнь твою возвращается бодрость, снова входит в нее ясный смысл.

Человек — ось мира.

А — скажут — пороки, а недостатки его?

Все мы голодны любовью к человеку, а при голоде и плохо выпеченный хлеб — сладко питает».

Умер Антон Павлович Чехов в ночь с 1 на 2 июля 1904 года.

АФОРИЗМЫ ЧЕХОВА НА МЕДИЦИНСКИЕ ТЕМЫ:

Водка белая, но красит нос и чернит репутацию.

Даже болеть приятно, когда узнаешь, что есть люди, которые ждут твоего выздоровления, как праздника.

Если против какой-нибудь болезни предлагается очень много средств, это значит, что болезнь неизлечима.

Человек любит поговорить о своих болезнях, а между тем это самое неприятное в его жизни.

Рудольф Артамонов*
(г. Москва)

МОЙ ЧЕХОВ

Один из немногих больших писателей, Чехов входит в нашу жизнь еще в детстве. «Каштанка». Симпатичная собачка, проявившая верность своим хозяевам и устоявшая перед соблазнами веселой жизни циркового манежа. «Мальчики». Некто Чечевичин, мальчик-гимназист, подбивающий своего однокашника Володю, пригласившего его погостить на каникулы, к побегу через Камчатку в Америку, за что пришлось покинуть ему гостеприимный дом. Монтигомо Ястребиный Коготь — оставил он на память о себе в тетрадке восхищавшимся «отважным путешественником» девочкам памятную записку. Чуть позже «Ванька». Как жалко было, что посланное Ванькой Жуковым письмо своему веселому дедушке «на деревню» никогда не дойдет до адресата. А потом уже «взрослые» рассказы. Если даже не читали, то видели, потому что многие экранизированы и, как правило, удачно. Автор был бы доволен. «Дочь Альбиона» — про то как русский барин, не стеснясь гувернантки-англичанки, похожей на сушеную воблу, нагишом лезет в воду, чтобы достать запутавшийся в прибрежных кустах рыболовный крючок. Или «Человек в футляре», про некоего Беликова, который добровольно отгородился от мира всегда раскрытым надо головой зонтом и, чтобы, не дай Бог, не простудиться, всегда ходил в калошах. Экранизированы даже небольшие смешные истории, например, о том, как деревенский фельдшер вырвал у мужика здоровый зуб, вместо больного. Или «Злоумышленник», — никак не возьмет в толк деревенский мужик, что, отвинтив болт у рельса на грузило для рыбалки, он создает опасность крушения на железной дороге. Много их. Смотрятся легко, потому что исполнители были все первоклассные актеры — Грибов, Раневская, Гарин, Жаров, а текст — чеховский, простой и легкий, без труда ложится на язык.

А потом приходит черед — «Степи», «Дому с мезонином», «Даме с собачкой». Невозможно не поддаться очарованию языка, образов, настроения. И по прочтении, хоть, может быть, на мгновение, всегда возникает желание стать лучше, искреннее, добрее. Как заметил Пушкин, поэт (и писатель тоже) «...чувства добрые» должен, «лирой пробуждать». Видимо, оттого Толстой назвал Чехова Пушкиным в прозе.

И венцом осознания влияния писателя на ум и сердце станет понимание и принятие «Чайки», «Дяди Вани», «Вишневого сада». Понимание того, что Чехов не развлекает, а приглашает сопереживать, увидеть в обычных поступках, простых человеческих словах скрытые чувства, переживания, улыбку (может быть, оттого автор считал эти пьесы комедиями), слезы. И, скорее, поэтому, когда современные авангардные режиссеры делают из чеховских пьес «видеоряд», заменяют подтекст реквизитными и сценическими эффектами, возникает чувство обиды за Чехова. Современные пиджаки, майки, танцы на столе делают Чехова малоузнаваемым. Не на такое воплощение своих пьес на сцене он рассчитывал. Именно из-за постановки по то-

* Наш постоянный автор, профессор, доктор медицинских наук.

гдашней театральной традиции провалилась премьера «Чайки» в Александринском театре.

Ну, а что касается образов врачей в произведениях Чехова, то представляется, выстроил писатель и врач, основные архетипы людей этой профессии.

Дымов. Наверняка есть такие, кто, поступая в медицинский институт, делали выбор, находясь под обаянием этого почти идеального образа. Он хороший врач, самоотверженный, погибает, спасая ребенка, умирающего от дифтерии гортани. Он увлечен наукой, «будущий профессор», говорит о нем его друг. Чтобы обеспечить жене «светскую» жизнь, работает в двух больницах и ночами сидит над переводами. Работает много. До мелочей женой жизни ему нет дела, но спешит исполнить ее любой каприз.

Ординатор Королев. У хороших профессоров учился Чехов. Г. Захарьин, Ф. Эрисман, Н. Филатов. Они научили его внимательному отношению к больному, пониманию того, что больного следует лечить не только лекарством. Чехов пишет: «Королев понимал, что иногда можно и нужно помочь не лекарством, а словом и вниманием, проявленным не формально, а прочувствованно и сострадательно». Как это слово преобразило «непричесанное, несчастное, убогое существо». По окончании визита Королева провожала его одетая «по-праздничному в белом платье, с цветком волосах», его пациентка. Видел писатель таких врачей среди своих коллег. Конечно, и сам был таким.

Ионыч. Вроде бы поначалу хороший доктор, порядочный человек. Два года он не может ответить на приглашение бывать в семье Туркиных, где глава семьи смешит гостей каламбурами, жена его пишет романы и читает их вслух, а дочь играет на фортепьянах, — в больницы было много работы. А начав бывать, влюбляется в дочку, молодую девушку. Объясняется в любви пылко, искренне. Отвергнут. И превращается — всего за четыре года! — в Ионыча, стяжателя, видящего в больных источник наживы. Однако не несчастная любовь была тому виной, поясняет Чехов. Обывательская среда провинциального города убила в нем возвышенные чувства и мысли, заменила их деньгами, наживой. И, как следствие, изменился даже весь его облик, поведение. «...Горло у него заплыло жиром, голос изменился, стал тонким и резким». Что-то похожее и так же быстро произошло с нашим врачебным сословием в постперестроечное время. Общество «перезагрузилось» на деньги. Бессребреником, «не берущим», быть стало даже как-то странно. Могут не понять. А когда врач смотрит в карман больного, то ему уже не до внимательного изучения его жалоб, анамнеза, анализов. Совсем как Ионыч.

И Астров. Этот образ создает уже зрелый мастер. Повидавший многих врачей и почувствовавший, каким должен и может быть русский врач. Даже в гостях у дяди Вани из головы у него не идет мысль о больных. Дважды, в 1-м и во 2-м акте пьесы, он посреди разговора повторяет одну и ту же фразу: «В Великом посту у меня больной умер под хлороформом». Его зовут на фабрику к больному, и он оставляет гостеприимных хозяев и едет на вызов. Работает тяжело, много. «От утра до ночи все на ногах, покою не знаю... За все время, пока мы с тобою знакомы, у меня ни одного дня не было свободного», — говорит он няньке, одному из персонажей пьесы. И не смотря на такую изматывающую и старящую его занятость, находит время и силы для составления «картограммы» лесопосадок, потому что болит у него душа за русский лес. Именно в уста Астрова Чехов вкладывает свое знаменитое: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Как многомудрый Гиппократ описал четыре конституциональных типа человека — сангвник, холерик, флегматик и меланхолик, так доктор Чехов разглядел в российском врачебном сословии четыре архетипа — Дымов, Королев, Ионыч, Астров. Последний менее известен широкой публике, в том числе и врачебной. Пьесы, в от-

личие от рассказов, не читают, а в театр ходят реже, чем раскрывают книгу. А Астровы есть. Как, впрочем, и Ионычи. На Дымовых и Королевых держится еще отечественная медицина.

Десятилетия спустя приходит время прочесть письма Чехова, воспоминания о нем его друзей и близких. В этих книгах найти и познакомиться с фотоархивом семьи его и его самого. Вглядеться в его лицо, весь облик. Понять, что за человек был писатель и врач Антон Павлович Чехов.

Попробуем посмотреть на Чехова со стороны, глазами его современников, среди которых были разные люди — друзья, почитатели его таланта, и недруги, завидовавшие его раннему писательскому успеху, и из этого калейдоскопа мнений, оценок попытаться составить себе человеческий портрет Антона Павловича.

В качестве одного из источников таких сведений возьмем недавно вышедшую книгу Ф. Ф. Фидлера «Из мира литераторов», Москва 2008, изданной под эгидой авторитетных организаций — Российской Академии наук и Института русской литературы (Пушкинского дома). Несколько слов об авторе. Федор Федорович Фидлер — переводчик, коллекционер и педагог (1859 — 1917) был, как сказано в аннотации, одной из центральных фигур петербургской литературной жизни 1880-х — 1910-х годов. Дневник его запечатлел колоритные (подчас интимные) подробности литературного быта и жизни русских писателей того времени. Однако нас интересовали, прежде всего, сведения о Чехове. В книге много высказываний о Чехове писателей, с которыми общался Ф. Ф.

Вот его первое впечатление о писателе. «Весь его облик дышит простотой и естественностью, но есть в нем какая-то мягкая и спокойная самоуверенность». Это объективная оценка. Мемуарист не был ни другом, ни неприятелем писателя.

Сцена, свидетелем которой был Ф. Ф.: Потапенко дает Чехову сорок копеек. Тот кладет их в карман со словами: «Дают — бери». Это деньги, которые Чехов потратил на извозчика, доставляя по просьбе Игнатия Николаевича домой общую знакомую Авилову (И. Н. Потапенко — друг и соперник Чехова за сердце Лики Мизиновой).

Альбов отправился в Полтаву вместе с Чеховым. «Он такой скупой: на станциях, где мы ели и пили, ни разу не дал на чай ни копейки: мне было стыдно перед официантами». (М. Н. Альбов — прозаик.)

Запись Ф. Ф., которому привелось быть свидетелем разговора у Лейкина. «Чехов развивал свой план дешевого ежесемейника... Денежного вопроса он касался неоднократно и с подлинной страстью». Еще одно свидетельство Ф. Ф. о скупости Чехова. «Вчера я получил в подарок для моего «музея» (большая коллекция фотографий и писем писателей той поры.— Р. А.) интересный документ: расчет Чехова с журналом «Осколки» (указание номеров журнала, в которых печатались его вещи, и количество строк в каждой из них»).

Но вот рассказ другого человека о «скупости» писателя, П. А. Сергеенко. Однокашник по гимназии Антона Павловича поведал Ф. Ф.— что его гимназический друг «был чрезвычайно практическим человеком, «совсем как Гете». Но в то же время весьма деликатен. Он отклонил предложение Суворина (который предлагал на 25 тыс. рублей больше, чем Маркс — Р. А.) заключить договор на издание собраний сочинений. Он сделал это отчасти потому, что уже дал согласие Марксу, но прежде всего из чувства деликатности по отношению к Сергеенко, который был посредником в деле. «Вряд ли какой-нибудь другой человек поступил бы так же, тем более что неожиданная прибавка в 25 тысяч была ему очень кстати» — заключил Сергеенко свой рассказ.

Или рассказ художника Константина Коровина, имевший место в Крыму у Чехова. «Я сказал ему, что хочу купить в Крыму маленький участок и построить себе здесь мастерскую...». «— Маша,— сказал он сестре,— знаешь что, отдадим ему свой участок... Хотите, в Гурзуфе... Слушай, Маша, я подарю эту землю Константину Алексеевичу...»

Филиппов: «Чехов — продукт «Нового Времени». Он не был либералом, держался в высшей степени безразлично. Посмеивался над евреями». (С. Н. Филиппов — журналист, театральный критик, беллетрист. Поместил в «Русском Курьере» уничтожающую рецензию на Чеховского «Иванова», в результате чего театр Корша исключил пьесу из своего репертуара).

Да, Чехова обвиняли в антисемитизме, ссылаясь при этом на рассказ «Тина». Но вот, что записывает Ф. Ф. «Мамин (автор мемуаров не прибавляет к фамилии писателя — Сибиряк. Р. А.) представил Чехову Жихарева и предложил что-либо ему пожелать. И Чехов процитировал самого себя (кажется из «Иванова»): «не женись на актрисе и не женись на еврейке!»... «А сам-то (замечает Жихарев)? Женился впоследствии на актрисе, которая — еврейка (Книппер)». Вот таким «антисемитом» был Антон Павлович.

Весьма запутан вопрос об отношениях Чехова к женщинам. Он равнодушен к красивым женщинам. «...совершенное отсутствие интересных женщин...» — пишет он из Ялты Горькому. Тому же адресату «...мне скучно без людей, без музыки... и без женщин...». С дороги на Сахалин в письме из Томска: «...красивых женщин совсем нет». Умиравший Чехов пишет из Баденвейлера сестре Маше: «Ни одной прилично одетой немки, безвкусица, наводящая уныние». Можно вспомнить его рассказ «Красавицы». С мальчишеских лет Чехов умел оценить женскую красоту.

Но вот свидетельства из книги Фидлера. Они (Чехов и Филиппов) посещали в Ялте бордель, и Филиппов удивлялся, до чего «возмутительно бессердечное обращение позволял себе Чехов по отношению к проституткам». Это единственное свидетельство подобного рода в большой — 800-страничной книге знаменитого мемуариста. Как совместить это «наблюдение» критика Филиппова с рассказом «Припадок», с весьма сдержанным описанием сцены «падения» Анны Сергеевны в «Даме с собачкой». И даже, казалось бы, на что неизысканные любовные отношения у Агафьи с огородником Савкой, однако не только никакого смакования их «любви», но и эта сцена опущена в одноименном рассказе. С другой стороны, Чехов не идеализирует женщину — см. рассказ «О любви». Вспоминаются его хорошо известные и многократно цитируемые слова — «меня маленького так мало ласкали... Поэтому и сам хотел бы быть ласковым с другими, да не умею». Вспоминается также Есенин, его цикл стихов «Москва кабацкая». Люди из провинции, «из простых» (и Чехов, и Есенин — «из мещан») часто сурово относились к падшим женщинам. Не так, как друзья героя рассказа «Припадок».

Любопытно другая запись в дневнике мемуариста. Ф. Ф. пишет: «Он (Чехов) имеет дело почти исключительно с замужними, так сказать, приличными женщинами; два года назад он говорил мне, что никогда еще не лишал невинности ни одну девушку».

Весьма по-разному оценивают характер Антона Павловича знавшие его и встречавшиеся с ним люди.

Баранцевич: «...это был замкнутый в себе эгоист, а как писатель — талант второго ранга». (К. С. Баранцевич — малоталантливый прозаик, одно время был другом Чехова.)

Но вот мнение Мамина (Сибиряка), литературный талант которого нельзя не признать. На вопрос Ф. Ф., хорошо ли он знал Чехова, Мамин отвечает: «Хорошо? Нет. Его никто не знал хорошо. Все, писавшие воспоминания о нем, — лгут. Это был хитрый, лукавый человек. Если он говорил, что пойдет направо, то шел налево. Я раскусил его сразу же после нашего первого разговора!» Эти высказывания были сделаны обоими после смерти Чехова — в 1908—1909 г.г. Если первый, возможно, сделал это из зависти, то второй — скорее всего потому, чтобы был недобрый человек. Ф. Ф. пишет, что на именинах Мамина писатель «позволил себе несколько оскорбительных замечаний в адрес Горького». Но когда ему сказали, что Горький с

симпатией отзывался о нем как о человеке и писателе, Мамин на мгновение смолк. А когда кто-то из присутствующих запел *Солнце всходит и заходит*, «...Мамин начал пищать, выть и рычать».

Слаб человек!

Многие современники Чехова писали и говорили, что он был замкнутым человеком, не пускавшим посторонних в свой внутренний мир. Тот же Баранцевич: «Это был очень скрытный человек, всегда державший камень за пазухой». Другого мнения от этого человека ожидать был бы трудно. Леонид Андреев отмечает нечто сходное в характере Антона Павловича, но понимает его более глубоко: «Он казался холодным, но под этим льдом таилась лава...».

Может быть, объяснение холодности и замкнутости, которые воспринимались окружающими как высокомерие, можно найти в следующем воспоминании И. Л. Леонтьева-Щеглова, писателя и друга Антона Павловича. «...Нельзя выворачивать только пережитое,— говорит ему Чехов,— это ведь никаких нервов не хватит! Писателю надо непременно в себе выработать зоркого, неутомимого наблюдателя... сделать (это) как бы второй натурой». В самом деле, у Чехова не найдешь в его произведениях «выворачивания» им самим «пережитого». Не в пример Толстому, где в «Крейцеровой сонате» выведены не в самом приглядном виде переживания, связанные с его семейной жизнью. Или Достоевскому, когда очевидны в некоторых его литературных героях, например Настасьи Филипповны, черты Полины Суловой, любовь к которой принесла ему много страданий. В натуре Чехова выработалась зоркая наблюдательность, объективность в изображении действительности, без обозначения своего отношения к ней. Без «убеждений», за что многие осуждали его, но он не менял своей позиции. Характерен разговор Чехова со студентами, свидетелям которого был художник Коровин:

«— Если у вас нет убеждений,— говорил один студент, обращаясь к Чехову,— то вы не можете быть писателем...— У меня нет убеждений,— ответил Антон Павлович...— Как же можно написать произведение без идей? У вас нет идей? — спросил другой студент.— Нет ни идей. Ни убеждений...— ответил Чехов».

Кто хотел, много видел негатива в характере Чехова. Особенно отличились коллеги-писатели. Ф. Ф. был свидетелем разговора Мамина с Альбовым. «Мамин рассказал ему, что был в Крыму свидетелем того, сколько подобоострастно держался Горький по отношению к Чехову, и сколь высокомерно стал вести себя Чехов по отношению ко всем остальным». И Альбов не скупится на выражения: «Это доказывает, что Чехов большой холоп».

Еще одна запись в дневнике Ф. Ф. на ту же «тему». Он в компании двух писателей — Баранцевича и Филиппова. «...я уже предупредил Баранцевича, что Филиппов будет бранить не только все русское, но и русских писателей... в беседке ресторана «Медведь» мы выпили несколько стаканов пива и при каждом писательском имени, которое я (Ф. Ф.) называл, Филиппов восклицал: «Негодяй!» или «Подонок!», или «Мерзавец!», или «Вор!», или «Бездарный наглец!» Порой не лишне знать, кем и в какой ситуации давалась современниками та или иная характеристика историческому лицу.

Многое можно понять и объяснить, познакомившись с тем, как современные Чехову писатели оценивали его талант. Карпов — о Мамине: «Это колоссальный талант, более яркий, чем Короленко и Чехов». (Е. П. Карпов — драматург, писатель, мемуарист).

Отличился и Ф. Сологуб: «Чехов — тоже (талантлив — сравнение с Л. Андреевым.— Р.А.), хотя и он пошловат, поверхностно остроумен и алчен (особенно в своих письмах, которые все так хвалят)». Особенно в своих письмах Чехов предстает человеком деятельным, лишенным всякой пошлости, не хвастающий своими любовными победами, участливым и щедрым, но и бережливым и расчетливым (ведь на его заработки, а они были только литературными, жило целое семейство Чеховых). В частных письмах любой из нас невольно предстает таким, каков есть.

Сургучев: «Подобно тому, как среди врачей есть специалист по левой ноздре, так и Чехов специалист в описании определенного класса людей, к тому же великолепно знающий свое дело». (И. Д. Сургучев — новеллист, романист, драматург.)

Волынский. Ф. Ф. приводит его слова о Горьком и Короленко, которых сейчас совсем не читают: «...они поддались духу момента и стали изображать несуществующих людей («босяков») в искусственной среде; а такого подлинного писателя, как Чехов, будут читать и через сто лет». (А. Л. Волынский — литературный критик, искусствовед.) Угадал Аким Львович, прошло полтора года лет со дня рождения писателя, а читателей и почитателей его не убавилось.

Большое видится на расстоянии. Чехов пришел в Москву и литературу из провинции, неся в себе все присущие ей черты — жажда утверждения, успеха, бережливость до скупости, жесткость до грубости, головокружение от раннего литературного успеха. Ему было что «выдавливаться из себя по каплям». И ему это удалось в большей мере, чем писателям, его современникам. Кто еще из «властителей дум» делал это? В его произведениях нет ни пошлости, ни провинциальной ограниченности, ни жестокости, ни морализма. Впрочем, Чехов и не имел желания быть властителем дум, к чему стремились, да и сейчас кем пытаются стать, русские писатели, подчиняясь ожиданиям публики. Но его позиция — «без идей и убеждений» оказалась востребованной и спустя сто с лишним лет. Безыдейным писателем был Антон Павлович. Век же идейных писателей оказался коротким.

И как врач, не могу не сказать об Антоне Павловиче, как о своем коллеге. Пятнадцать лет было отдано им служению медицине. Это был порой тяжелый, самоотверженный труд. Когда в центральной части России вспыхнула эпидемия холеры и подступила к Серпухову, Чехов попросил местное земство зачислить его участковым врачом. Обслуживал не только свой участок, который включал в себя 25 деревень, но и участок заболевшего коллеги. «Пока я служу в земстве, не считайте меня литератором», — пишет он Суворину. Так мог сказать не дилетант в медицине, каким иногда представляют Чехова, а врач, преданный своей профессии. Читая его письма, находишь весьма грамотные советы и рецепты, которые писатель и врач давал и прописывал своим больным спустя много лет по окончании медицинского факультета. Вспоминает писательница Т. Щепкина-Куперник: «...Я отправилась навестить мою бывшую кормилицу, жившую в деревне близ станции Лопасня. Она оказалась больна чахоткою. Я очень встревожилась и стала допрашивать, есть ли там доктор, есть ли у него лекарства, и она ответила мне: «Не бойся, родимая, дохтур у нас есть тут такой, что и в Москве не сыщешь лучше. Верст за шесть живет. Антон Павлович. Уж такой желанный, такой желанный, — он и лекарства мне сам дает». Только позже, познакомившись с Чеховым и попав в Мелихово, я поняла, кто был этот «желанный» Антон Павлович». Только резко обострившийся туберкулез легких заставил Чехова по настоянию врачей оставить свою врачебную практику. «...Это будет для меня облегчением и крупным лишением», — напишет он в связи с этим Лейкину. «Облегчением», значит, трудно было слабому здоровьем Чехову нести свой врачебный крест, а «лишением» — потому что любил он это дело — врачевание.

Как часто в биографиях крупных творческих личностей и в воспоминаниях о них приходится читать о психических отклонениях, наркомании, алкоголизме, длительных депрессиях, прерывавших иногда на долгие годы их труд. Ничего подобного не находишь в воспоминаниях о Чехове или в его письмах. Из писем его другим и другим ему, в многочисленных воспоминаниях о нем близко знавших его людей нигде не видно свидетельства склонности к депрессии, унынию, жалобам на непонимание и хулу, хотя и то и другое было. Вспоминаются слова Ф. В. Шеллинга из его Штутгартской лекции: «Люди, не носящие в себе никакого безумия, суть люди пустого, непродуктивного ума». К Антону Павловичу это не относится.

Таков мой Чехов.

Виктория Ткач*

(г. Тула)

**В. ВЕРЕСАЕВ И А. ЧЕХОВ —
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ**

О, литература! Быстрая, стремительная река творческого созидания, избравшая руслом своим неуловимое время и скоротечные человеческие жизни! Сколько могучего и непостижимого в ее водах! Сколько одиноких путников встречаются на берегах ее у негасимого костра творческого общения и вдохновения! И встречи эти наполнены неизменным интересом и уважением собеседников друг к другу. Таким, несомненно, было и общение Викентия Викентьевича Вересаева и Антона Павловича Чехова — врачей и писателей, оставивших неизгладимый след в русской литературе.

Не все воспоминания обретают вечность на бумаге. К сожалению, А. П. Чехов не успел оставить записи о своих встречах с В. В. Вересаевым, о творчестве которого очень высоко отзывался. В. В. Вересаев же достаточно кратко описал в своих «Литературных воспоминаниях» общение писателей. Однако, и эта, свойственная Вересаеву медицинская лаконичность в характеристиках, дает достаточное представление о Чехове — писателе и человеке.

Вересаев всегда видел в Чехове одного из своих учителей, хотя разница в возрасте у них была небольшой — всего 7 лет. Писатели вступают в переписку, а вскоре и встречаются лично. Однако, ранние произведения Вересаева не вызывали одобрения Чехова, и только в начале 1900-х годов, после выхода «Записок врача» и рассказов о крестьянах, отношение Чехова к Вересаеву резко меняется. Кстати, «Записки врача» произвели на Чехова столь сильное впечатление, что он вместе с Вересаевым сочувственно встретил предложение Г. Задеры об участии в создании подобной же книги, посвященной фельдшерам. Издание это, правда, не состоялось. 1 июля 1903 года А. П. Чехов пишет А. Суворину: «Вы читаете теперь беллетристику, так вот почитайте кстати рассказы Вересаева. Начните со второго тома, с небольшого рассказа «Лизар». Мне кажется, что Вы останетесь очень довольны. Вересаев врач, я познакомился с ним недавно, производит очень хорошее впечатление». А в письме к О. Книппер от 28 октября 1903 года просит при случае передать Вересаеву, что тот ему «очень нравится».

Из «Литературных воспоминаний» В. В. Вересаева:

«Я познакомился с Чеховым в Ялте весной 1903 года. Повез меня к нему Горький, который был с ним знаком уже раньше. Неуютная дача на пыльной Аутской улице. Очень покатый двор. По двору расхаживает ручной журавль. У ограды чахлые деревца.

Кабинет Антона Павловича. Большой письменный стол, широкий диван за ним. На отдельном столике, на красивом картонном щите, веером расположены фотографические карточки писателей и артистов с собственноручными надписями. На стене печатное предупреждение: «Просят не курить».

Чехов держался очень просто, даже как будто немножко застенчиво. Часто покашливал коротким кашлем и плевал в бумажку. На меня он произвел впечатление удивительно деликатного и мягкого человека. Объявление «Просят не курить» как

* Наш постоянный автор, старший научный сотрудник Дома-музея В. В. Вересаева.

будто повешено не просто с целью избавить себя от необходимости говорить об этом каждому посетителю, мне показалось, это было для Чехова единственным способом попросить посетителей не отравлять табачным дымом его больных легких. Если бы не было этой надписи и посетитель бы закурил, я не представляю себе, чтобы Чехов мог сказать: «Пожалуйста, не курите, — мне это вредно». Горький в своих воспоминаниях о Чехове приводит несколько очень резких его ответов навязчивым посетителям. Рассказывает он, например, как к Чехову пришла полная, здоровая, красивая дама и начала говорить «под Чехова»:

— Скучно жить, Антон Павлович! Все так серо: люди, небо, море... И нет желаний... Душа в тоске... Точно какая-то болезнь...

И Чехов ей ответил:

— Да, это болезнь. По-латыни она называется *mordus pritvoralis*.

Совершенно не могу себе представить Чехова, так говорящего со своей гостьей. После ухода ее он мог так сказать — это другое дело. Но в лицо...»

Из воспоминаний В. В. Вересаева мы узнаем, что Антон Павлович очень понравился ему своей простотой, скромностью и какой-то удивительной деликатностью. Конечно, вежливость и сдержанность Чехова импонировала Вересаеву. И это не удивительно, ведь профессиональная врачебная этика составляла неотъемлемую часть жизни и деятельности обоих писателей-врачей. Медицина всегда была важна для них. Она являлась сферой общественного служения народу, тесного сближения с ним, позволяла видеть горе и радость людей, глубже разбираться в психологии и переживаниях человека. В ряде лучших произведений Чехова отразились его наблюдения в период врачебной деятельности в Воскресенске, Звенигороде и особенно в Мелихове. Итогом наблюдений и раздумий Вересаева явилась его знаменитая книга «Записки врача», которая была горячо принята и поддержана Чеховым — писателем и врачом. И Чехов и Вересаев много писали о земских врачах, которые по характеру своей деятельности ближе всего стояли к народу. Оба писателя с большой теплотой и искренним сочувствием рассказали об этих скромных тружениках, которые самоотверженно и бескорыстно служили народу, помогали людям в тяжелые для них часы и минуты.

Надо отметить, что у писателей вообще было много общего. Одинаковая требовательность к научной достоверности и знания того, о чем пишешь. Верные прогрессивным взглядам и лучшим традициям отечественной медицины, Чехов и Вересаев так же художественно правдиво отражали в своих произведениях нечеловеческие условия существования рабочего народа. Оба с изумительным мастерством и лаконичностью рисовали картину, в которой образ, движение, пейзаж гармонично переплетались с тонким рисунком психологического анализа человеческих чувств и переживаний. Правда, были и расхождения во взглядах, но касались они, в основном, вопросов политических.

Из «Литературных воспоминаний» В. В. Вересаева:

«Для меня очень был неожидан острый интерес, который Чехов проявил к общественным и политическим вопросам. Говорили, да это чувствовалось и по его произведениям, что он человек глубоко аполитический, общественными вопросами совершенно не интересуется, при разговоре на общественные темы начинает зевать. Чего стоила одна его дружба с таким человеком, как А. С. Суворин, издатель газеты «Новое время». Теперь это был совсем другой человек: видимо, революционное электричество, которым в то время был перезаряжен воздух, встряхнуло и душу Чехова. Глаза его загорались суровым негодованием, когда он говорил о неистовствах Плеве, о жестокости и глупости Николая II».

Действительно, к началу 1900-х годов в критике укрепились мысль о «новом и очень важно переломе» в творчестве Чехова. Ее подтверждали и рецензенты двух последних произведений писателя — «Невесты» и «Вишневого сада». Особенно это

коснулось «Невесты»: говорили о «новом этапе» его творчества, о том, что даже скептическая нота в финале рассказа не парализовала «яркого, живого, нового». Однако, именно этот рассказ Чехова вызвал у В. Вересаева несколько критических замечаний.

Из «Литературных воспоминаний» писателя:

«Накануне, у Горького, мы читали в корректуре новый рассказ Чехова «Невеста» (он шел в миролюбивском «Журнале для всех»).

Антон Павлович спросил:

— Ну что, как вам рассказ?

Я помялся, но решил высказаться откровенно:

— Антон Павлович, не так девушки уходят в революцию. И такие девицы, как ваша Надя, в революцию не идут.

Глаза его взглянули с суровой настороженностью.

— Туда разные бывают пути.

Был этот разговор двадцать пять лет назад, но я его помню очень ясно. Однако меня теперь берет сомнение: не напутал ли я здесь чего? В печати я тогда этого рассказа не прочел. А сейчас перечитал: вовсе в революцию девица не идет. Выведена типическая безвольная чеховская девушка, кузен подбивает ее бросить жениха и уехать в столицу учиться, она уезжает чуть ли не накануне свадьбы и там, в столице, учится и работает. Но учится и работает не в том смысле, как в то время это понималось в революционной среде, а в специально чеховском смысле: учится вообще наукам и вообще работает, как, например, работали у Чехова дядя Ваня и Соня в пьесе «Дядя Ваня». В чем тут дело? Я ли напутал, или Чехов переработал рассказ? Интересно было бы сравнить корректурный оттиск рассказа «Невеста» с окончательной его редакцией. Я слышал, что корректурный оттиск этот с чеховской правкою хранится в одном из музеев».

Но замечание Вересаева, видимо, все же заставило призадуматься Антона Павловича и переработать свое произведение. Через два месяца после этого разговора он написал с подмосковной дачи письмо своему собрату по перу: «Дорогой Викентий Викентьевич, я немножко запаздываю. Ваше письмо с карточкой долго искало меня, пока наконец не прибыло на дачу... Большое Вам спасибо! Ваша книжка теперь для меня очень кстати, так как читать мне нечего. Читаю Вас и детскую хронику С. Аксакова; и чувствую себя прекрасно. Кое-что поделяю. Рассказ «Невесту» искромсал и переделал в корректуре. Спасибо Вам еще раз. Крепко жму руку. Ваш А. Чехов». Если мы заглянем в корректуру произведения, хранящуюся теперь в Архиве ИРЛИ, то увидим, что она испещрена значительными переделками. В последней главе Чехов снял два абзаца, из которых было видно, что героиня рассказа Надя нашла свое призвание в революции. Видимо, автор прислушался к совету В. В. Вересаева, связав судьбу героини только с учебой и работой.

Однако, некоторые расхождения во взглядах писателей не повлияли на взаимное уважение друг к другу. В этом же письме А. П. Чехов открыто и доверчиво делится со своим другом и коллегой сведениями о состоянии своего здоровья: «Был я у профессора Остроумова. Он нашел у меня, кроме сильно попорченного правого легкого, эмфизему, плеврит и проч. и проч., запретил жить зимою в Ялте и приказал жить под Москвою на даче. И я теперь не знаю, кого мне слушать и что делать» (из письма А. П. Чехова В. В. Вересаеву от 5 июня 1903 года). Впрочем, еще тогда, при личной встрече В. В. Вересаев обратил внимание на здоровье своего коллеги, с тревогой предчувствуя неизбежное...

Из «Литературных воспоминаний» В. В. Вересаева:

«За чаем Антон Павлович рассказал, что недавно получил письмо из Одессы от одного почтенного отца семейства. Тот писал, что девушка, дочь его, недавно ехала

на пароходе из Севастополя в Одессу, на пароходе познакомилась с Чеховым. И как не стыдно! Пишете, господин Чехов, такие симпатичные рассказы, а позволяете себе приставать к девушке с гнусными предложениями.

— А я никогда из Севастополя не ездил в Одессу.

Когда Чехов рассказывал, глаза искрились смехом, улыбка была на губах, но в глубине его души, внутри, чувствовалась большая сосредоточенная грусть.

И еще сильнее я почувствовал эту его грусть, когда через несколько дней, по телефонному вызову Антона Павловича, пришел к нему проститься. Он уезжал в Москву, радостно укладывался, говорил о предстоящей встрече с женою, Ольгой Леонардовной Книппер, о милой Москве. О Москве он говорил, как школьник о родном городе, куда едет на каникулы; а на лбу лежала темная тень обреченности. Как врач, он понимал, что дела его очень плохи.

Узнал, что я в прошлом году был в Италии.

— Во Флоренции были?

— Был.

— Кианти пили?

— Еще бы!

— Ах, кианти!.. Еще бы раз попасть в Италию, попить бы кианти... Никогда уже этого больше не будет...»

И действительно, больше писателям не суждено было увидеться. Тогда, в 1903 году, на память о встрече они обменялись своими книгами и фотографиями с дружескими надписями. В экспозиции Дома-музея В. В. Вересаева бережно хранятся ценные экспонаты, свидетельствующие об искреннем уважении и дружбе писателей — книга А. П. Чехова «Остров Сахалин» с дарственной надписью: «Викентию Викентьевичу Вересаеву на добрую память о нашем знакомстве в Ялте в апреле 1903 года», а также фотография А. П. Чехова, подаренная «Викентию Викентьевичу Вересаеву-Смидовичу на добрую память». Фотография же В. В. Вересаева с дарственной надписью «Горячо любимому писателю А. П. Чехову. Тула, 20/V 03 г.» хранится в музее А. П. Чехова в г. Таганроге (в нашем музее представлена ее фотокопия). Не меньший интерес вызывает и представленный в экспозиции сборник «Клич», выпущенный в Москве в 1915 году на помощь жертвам войны. В нем опубликовано письмо А. П. Чехова своей сестре М. П. Чеховой, написанное 8 июня 1904 года из Берлина. Редакторами сборника в то время были писатели И. Бунин, В. Вересаев и Н. Телешов. Не исключено, что именно В. В. Вересаев предложил опубликовать письмо ушедшего уже из жизни писателя, характеризующего в свойственной ему ироничной манере заграничный быт. Предметы, подаренные А. П. Чеховым, писатель трепетно хранил в течение жизни, а память о нем увековечил в своих литературных воспоминаниях. Первый очерк «А. П. Чехов» был написан В. В. Вересаевым в конце 1920-х годов; его первоначальный вариант был опубликован под названием «А. П. Чехов и встречи с ним» в журнале «Красная панорама» 1929, № 28. Этот журнал также представлен в экспозиции Дома-музея В. В. Вересаева. Затем в 1936 году очерк впервые был опубликован в литературных «Воспоминаниях» писателя.

...Писатели и врачи, Чехов и Вересаев, всю свою жизнь отдали беззаветному служению народу, родной литературе, идеям прогресса и демократии. Несомненно, их общение было творчески важным и полезным моментом в творческой деятельности обоих писателей, сумевших объединить в своих судьбах медицину и литературу.

